

Сердце Цзянь Юэ забилося быстрее. Он смотрел вниз — и их взгляды встретились. Тот, кто стоял на земле, был хрупок и измождён, но держался прямо, с невероятной стойкостью.

Цзянь Юэ знал: главный герой в каноне был человеком мстительным, не прощающим даже малейшей обиды. Оригинал запер его, избил, довёл до изнеможения... Логично было ожидать, что сейчас он выскажет всю свою ненависть, обличит его перед всеми.

Но вместо этого, в тишине, раздался тихий, но чёткий голос:

— Нет.

Вокруг замерли.

Молодой человек поднял голову, и его слова прозвучали как приговор всем клеветникам:

— Небесный Владыка добр ко мне. Я не позволю никому его оклеветать.

Цзянь Юэ оцепенел. Рядом побледнел и Цзян Чэн. Тот, решив, что парень под угрозой, торопливо добавил:

— Не бойся! Говори правду — я защищу тебя!

Но тот лишь покачал головой:

— Нет никаких угроз. Он хорош ко мне. Мои раны — моё дело. Он здесь ни при чём.

Цзянь Юэ повернулся к Цзян Чэну:

— Вы слышали, Глава Цзян? Я невиновен. Что до обвинений во взяточничестве... Недавно я занимался урегулированием наводнения на юге. Народ там страдал, и я принимал жертвования от разных сект и знати — всё это шло на помощь пострадавшим. Так что не понимаю, о каких «взятках» вы говорите?

Лицо Цзян Чэна побелело:

— Кто вообще поверит, что ты занимался наводнением?! Если не признаёшься — давай вызовем учеников! Пусть все скажут правду!

Цзянь Юэ бросил взгляд на толпу учеников. Один из них — юноша лет шестнадцати — нервно смотрел на него. И когда их глаза встретились, тот побледнел.

Вот он — тот самый «молодой возлюбленный» Цзян Чэна.

Цзянь Юэ уже думал, не позвать ли его прямо сейчас... как вдруг вспыхнуло системное уведомление:

[Сработал навык «Сплетни»!]

[Слух]: Цзян Чэн вечно проповедует «Путь бесстрастия», но на деле уже много лет живёт с возлюбленным. У того до сих пор на теле следы от «совместной практики» на лужайке прошлой ночью!]

[Перезарядка: 12 часов]

Цзянь Юэ: «...?!»

Он с изумлением посмотрел на Цзян Чэна.

Тот, что всегда демонстрировал образ неприступного святого, оказывается, ведёт такую... активную личную жизнь? Отлично. Раз уж хочется устраивать публичный суд — давайте устроим по-настоящему зрелищный!

Цзянь Юэ мягко улыбнулся:

— Глава Цзян... Вы ведь всё ещё не верите мне?

Он уже внутренне готовился: если Цзян Чэн начнёт настоящую охоту — он ответит тем же. Лучше уж погибнуть вместе, чем одному нести позор.

Но вдруг Цзян Чэн отвёл взгляд, явно смутившись. Он кашлянул и, понизив голос, проговорил:

— Э-э... похоже, я несколько... погорячился. Небесный Владыка Юэхуа — человек безупречной репутации. Простите мою несдержанность.

— Конечно, не держу зла, — вежливо ответил Цзянь Юэ. — Вы мне доверяете — и я вам тоже.

Цзян Чэн стиснул зубы и бросил яростный взгляд на своего «возлюбленного» вниз.

— Возвращайтесь к соревнованиям, — сказал Цзянь Юэ.

Юноша на земле встал и ушёл, даже не взглянув на Цзянь Юэ.

«В каноне герой-получатель уже спас героя-дающего один раз, — подумал Цзянь Юэ. — Но

теперь он точно ненавидит меня — того, кто стал причиной его страданий...»

Турнир начался.

Учеников по одному затягивало в иллюзорное пространство. Там бушевали штормы, болота, ядовитые змеи. Многие, не выдержав, сжигали «благовонные камни» — и мгновенно покидали испытание.

Но некоторые держались.

Цзян Чэн с одобрением комментировал:

— Этот неплох! Упорство и талант — редкое сочетание. Запишите его имя, нам нужны такие!

Конечно, Линъюнь-цзюнь не мог принять всех — другие секты тоже искали таланты. Такое поведение было нормальным.

Но Цзянь Юэ отметил нечто иное: иногда, глядя на учеников, Цзян Чэн смотрел на них... как на добычу. В его глазах вспыхивала алчная жадность — не одобрение, а хищнический блеск.

Это было ненормально.

Цзянь Юэ молча наблюдал. Вдруг кто-то воскликнул:

— Вон тот ученик! Как он ещё держится?!

Все взоры обратились туда.

И Цзянь Юэ сразу узнал его.

Сяо Юй.

Он был ранен, его культивация — среди слабейших. Но сквозь ядовитые испарения, через болота, сквозь боль — он шёл. Каждый шаг давался ему с мукой, но он не сдавался.

— Кто он такой? — шептались вокруг.

— Без корня духовности... Как он выдерживает?!

— Упрямство на грани безумия...

Люди быстро потеряли интерес. Только Цзянь Юэ не отводил глаз.

Он видел, как Сяо Юй, истекая кровью, подбирается к обрыву, где росла волшебная трава. Даже когда людоедный цветок вцепился в его руку, оставив глубокие раны, он не отступил.

— Он первый! — кто-то ахнул. — Если доберётся — станет первым, кто получит траву!

Никто не верил, что бездарный ученик сможет это сделать.

Но Сяо Юй, повиснув над пропастью, одной рукой ухватился за край скалы — кости в его ноге уже проглядывали сквозь плоть. И всё же... он прыгнул.

И сорвал траву.

В ту же секунду его силы иссякли. Он рухнул, как сухой лист, но иллюзия мгновенно вынесла его наружу.

На алтаре появилась окровавленная фигура.

Цзянь Юэ вскочил на ноги.

Глашатай объявил:

— Первый, кто добыл траву в первом испытании, получает право немедленного поступления в секту! И право выбрать себе Учителя! Кого ты выбираешь?

Отличный вопрос.

В каноне Юэхуа сам забрал главного героя, чтобы скрыть свою утрату сил. Герой был счастлив — думал, наконец нашёл защитника. Но Учитель его игнорировал, и тот подвергался издевательствам. В итоге — погиб.

Цзянь Юэ не хотел повторять эту ошибку.

Он молчал, надеясь, что Сяо Юй выберет кого-то другого — сильного, доброго, настоящего наставника.

Но...

Когда глашатай замолк, безжизненное тело на земле слегка дрогнуло.

Сяо Юй медленно поднял голову. Кровь стекала по его скулам, но он, пошатываясь, встал. И, указав пальцем на Цзянь Юэ, стоявшего на самом высоком помосте, тихо, но чётко произнёс:

— Я выбираю его.

Цзянь Юэ: «...»

Канон, казалось, треснул по швам.

Он молчал. Он не хотел, чтобы судьба снова свела их. Он хотел для этого человека другого будущего — светлого, безопасного.

Но в этот момент Сяо Юй пошатнулся и начал падать.

Цзянь Юэ бросился вперёд, подхватил его. Тот был невероятно лёгким — как птица, и от этого у Цзянь Юэ сжалось сердце. Он посмотрел на него с болью и наконец спросил:

— Почему ты выбрал меня? Я ведь... никогда не был добр к тебе.

Я наказывал тебя. Бил. Твои раны — моих рук дело. В будущем ты даже умрёшь... ради меня.

Он смотрел на него с мукой.

Ветер шелестел одеждой. Цзянь Юэ думал, что тот уже без сознания, — но вдруг Сяо Юй слабо моргнул, открыл тёмные, глубокие глаза и прошептал:

— Я помню твой запах...

Ты был тем, кто спас меня прошлой ночью.

Я знаю.

<http://bllate.org/book/16053/1434256>